

Изъ военно-судебной практики.

По поводу рѣшеній главнаго военного суда 1901 г. №№ 44, 46 и 47.

XVI ¹⁾.

Въ главѣ пятой нашего военно-судебнаго устава — «о порядкѣ производства дѣлъ въ полковыхъ судахъ» — нѣтъ статьи, по содержанію своему соотвѣтствующей статьѣ 783 главы шестой того же устава (о порядкѣ производства дѣлъ въ военно-окружныхъ судахъ). А жаль! Въ этой статьѣ, опредѣляющей, что предсѣдатель суда долженъ предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію, выраженъ одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ современнаго судопроизводства, знать и помнить который особенно необходимо суду, составленному изъ лицъ, лишенныхъ юридическаго образованія и воспитанія. Принципъ этотъ выражается въ установленномъ наукою права и воспринятомъ изъ нея всеми современными законодательствами взглядѣ на подсудимаго, какъ на человѣка, имѣвшаго несчастье по неблагоприятному стеченію обстоятельствъ навлечь на себя подозрѣніе въ преступленіи или проступкѣ, но еще не преступникѣ. Таковымъ онъ явится только по обсужденіи свободною судейскою совѣтью всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Обстоятельства же эти отнюдь не должны грѣшить односторонностью, а тѣмъ болѣе — направленною во вредъ подсудимому, т. е. клонящеюся къ его осужденію. Государство сознаетъ, что оно-всегда сильнѣе отдѣльнаго индивида, оно вѣритъ въ свою силу и потому, стремясь служить интересамъ права и порядка, безбоязненно говоритъ судѣ — предоставляя подсудимому всевозможныя средства къ оправданію. И дѣйствительно, не въ интересахъ авторитета и престижа государственной власти увеличивать возможность судебныхъ ошибокъ, оставлять въ душѣ осужденнаго сознание, что государство воспользовалось своею властью и силою

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 7.

надъ нимъ, слабымъ и лишеннымъ свободы дѣйствій человѣкомъ, или давать поводъ къ нареканіямъ на то, что судъ и осужденіе не свободны были отъ личныхъ судейскихъ чувствъ, устранявшихъ безпристрастіе. Всѣ эти разсужденія сохраняютъ полную свою силу и въ отношеніи суда военнаго, ибо тѣ же принципы, которыми по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II создавался «судъ правый, скорый и милостивый» положены были и въ основу военно-судебнаго устава. Принципъ гуманнаго отношенія къ личности подсудимаго, нетретированія его до приговора, какъ преступника, какъ порочнаго человѣка, и законное стремленіе суда предоставить обвиняемому всѣ возможные средства доказать свою невинность — отнюдь не противорѣчатъ требованіямъ охраненія воинской дисциплины и строгаго соблюденія правилъ и порядка воинской службы. Напротивъ, интересы арміи и службы требуютъ, чтобы за нарушеніе ихъ требованій былъ наказанъ дѣйствительный виновникъ, а не тотъ, который по умственному развитію или по свойству своего характера не умѣетъ лишь разсѣять возникшихъ противъ него подозрѣній и обвиненій. Задача предсѣдателя, руководящаго и управляющаго ходомъ судебного засѣданія, помочь подсудимому въ этомъ трудномъ для послѣдняго дѣлѣ. Онъ долженъ идти ему навстрѣчу, а не затруднять ему защиту его невинности. И вотъ приходится еще разъ пожалѣть, что для лицъ, воспитанныхъ въ широкихъ рамкахъ административнаго права и призванныхъ внезапно исполнять роль не администратора, а судьи, принципъ этотъ не нашелъ прямого, нагляднаго своего выраженія въ законѣ. Косвенно же онъ выраженъ въ ст. 599 и 666, предписывающихъ: съ одной стороны, не принимать молчаніе подсудимаго за признаніе имъ своей вины, а съ другой — не принимать во вниманіе при постановленіи приговора никакого судебного доказательства, не предъявленнаго предварительно подсудимому и другимъ «участвующимъ въ разясненіи дѣла лицамъ». Обратите вниманіе на эти заключительныя слова 666 ст. военно-судебнаго устава. Въ нихъ ясно выражено, что дѣлъ судебного процесса заключается въ *разясненіи дѣла*, а не въ осужденіи подсудимаго. Къ сожалѣнію, отсутствіе спеціальнаго юридическаго образованія и умѣнья бережно обращаться съ юридическими понятіями и должнымъ образомъ оцѣнивать ихъ нерѣдко ведетъ къ стѣсненію правъ подсудимыхъ — съ одной стороны, и къ сожалѣнію, что судъ не принялъ всѣхъ мѣръ къ огражденію себя отъ нареканій въ пристрастіи — съ другой. Къ числу подобныхъ мѣръ, одинаково цѣнныхъ и для подсудимаго и для суда и судей, законъ относитъ между прочимъ *отводъ судей*. Сущность этого установленія заключается въ томъ, что существованіе между судьей и подсудимымъ или другимъ участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ особыхъ личныхъ отношеній дѣлаетъ судейскую совѣсть непригодною выработать свободно убѣжденіе въ винѣ или невинности подсудимаго. Это сознаніе несвободнаго творчества своей совѣсти судья можетъ ощущать самъ и, щепетильный къ достоинству су-

дейскаго званія, самъ же и отвести себя отъ разсмотрѣнія дѣла, или же на это можетъ указать суду подсудимый и отъ себя предъявить *отводъ* такого судьи. Причины отвода, т. е. тѣ обстоятельства, которыя дѣлаютъ совѣсть судьи несвободною, могутъ быть конечно, только отчасти предусмотрены законодателемъ и перечислены имъ въ законѣ (ст. 599 и 771 военно-судебнаго устава), но, вѣрный принципу свободы судейской совѣсти, онъ устанавливаетъ общее правило, въ силу котораго *всякія* отношенія, могущія дѣйствительно препятствовать судѣ въ безпристрастномъ исполненіи судейскаго долга, должны быть признаваемы достаточной причиной къ устраненію судьи отъ разсмотрѣнія дѣла (прим. къ ст. 34 инстр. полк. судамъ).

Всякія отношенія — это почти безграничная область, въ которой полезно и поучительно намятти создаваемые жизнью характерные случаи. Одинъ изъ нихъ, въ дополненіе къ существующимъ, и указывается теперь рѣшеніемъ главнаго военнаго суда № 44 по дѣлу объ отмѣнѣ приговора бригаднаго суда 36-й артиллерійской бригады о фейерверкерѣ той же бригады Казимірѣ Гилѣ. Разсмотрѣвъ въ судебномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ капитана Хомякова, дѣло о младшемъ фейерверкерѣ 6-й батареи Гилѣ и основываясь на рапортѣ временно-командующаго этой батареей, изъ котораго видно, что подсудимый, несмотря на неоднократно наложенныя на него дисциплинарныя взысканія, не исправился, судъ призналъ его виновнымъ въ неисправимо дурномъ поведеніи, почему и постановилъ: подсудимаго Гиля, за неисправимо дурное поведеніе, по лишеніи фейерверкерскаго званія и нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, перевести въ разрядъ штрафованныхъ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и вошелъ въ законную силу, но при разсмотрѣніи дѣла о Гилѣ въ ревизіонномъ порядкѣ, обнаружилась слѣдующія обстоятельства, возбуждавшія вопросъ объ отмѣнѣ состоявшагося о немъ приговора. Предсѣдательствовавшій въ судебномъ засѣданіи по дѣлу Гиля капитанъ Хомяковъ былъ тѣмъ именно временно-командовавшимъ 6-ю батареею лицомъ, по рапорту котораго Гилъ и преданъ былъ суду по обвиненію въ неисправимо дурномъ поведеніи. Это обстоятельство дало подсудимому основаніе еще въ началѣ судебного засѣданія заявить отводъ противъ предсѣдателя суда, капитана Хомякова, какъ лица, участвовавшаго въ распоряженіи о преданіи его, Гиля, суду. Однако судъ, ссылаясь на 2 п. 771 ст. военно-судебнаго устава, отказалъ подсудимому въ этой просьбѣ, о чемъ и составилъ опредѣленіе, которое не было однако представляемо командиру бригады на утвержденіе. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ военный прокуроръ московскаго военно-окружнаго суда усматривалъ нарушеніе 593 ст. военно-судебнаго устава, а въ соединеніи капитаномъ Хомяковымъ въ своемъ лицѣ участія въ преданіи суду съ участіемъ въ произнесеніи приговора — существенное нарушеніе 2 п. 771 ст. того же устава.

Другое существенное нарушение процесуальных формъ въ дѣлѣ Гиля выразилось, по мнѣнію военнаго прокурора, въ томъ, что вопреки опредѣленному требованію 576 ст. военно-судебнаго устава председатель суда, въ періодъ приготовительныхъ къ суду распоряженій, не вызвалъ подсудимаго Гиля для прочтенія ему приказа о преданіи суду и для опроса, не желаетъ ли онъ, Гиль, вызвать свидѣтелей.

Надо ли говорить о серьезномъ для интересовъ подсудимаго значеніи этихъ самымъ закономъ устанавливаемыхъ средствъ его защиты. Въ полковомъ судѣ приказъ о преданіи суду замѣняетъ собою обвинительный актъ, т. е. тотъ документъ, изъ котораго подсудимый узнаетъ, въ чемъ его обвиняютъ и каковы фактическіе признаки приписываемаго ему преступнаго дѣянія¹⁾. Если судъ на этомъ документѣ строить свое обвиненіе, опредѣляетъ его границы, то на немъ же подсудимый строитъ свою защиту, опредѣляя, въ отношеніи какихъ обстоятельствъ дѣла можетъ онъ вызвать свидѣтелей и кого именно. Право же вызывать *своихъ* свидѣтелей—одно изъ самыхъ дорогихъ для подсудимаго правъ. Цѣнно оно и для суда, такъ какъ имъ устраняется одностороннее освѣщеніе дѣла. Охрана всѣхъ этихъ правъ и средствъ подсудимаго къ оправданію въ полковыхъ судахъ, за отсутствіемъ въ нихъ института специальныхъ защитниковъ, всецѣло лежитъ на председателѣ суда и соблюденіе ихъ въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ Гиля, по мнѣнію военно-прокурорскаго надзора, было тѣмъ болѣе необходимо, что проступокъ Гиля, послужившій основаніемъ для преданія его суду за неисправимо дурное поведеніе, вовсе не былъ разъясненъ до суда, такъ какъ никакого дознанія произведено не было. Между тѣмъ во время судебного засѣданія, какъ это видно изъ журнала его, Гиль объяснялъ, что онъ хотя и уходилъ изъ конюшни, гдѣ былъ дежурнымъ, въ казарму, но сдѣлалъ это по требованію фельдфебеля, приказавшаго ему составить расчетъ ѣздовыхъ для ученя подѣздамъ и отѣздамъ. На судебномъ засѣданіи, *происходившемъ безъ свидѣтелей*, это объясненіе такъ и осталось не превѣреннымъ, а судебное слѣдствіе свелось къ прочтенію рапорта капитана Хомякова о преданіи Гиля суду и вышеприведенному объясненію подсудимаго. Вѣрнѣе сказать, судебного *слѣдствія* не было.

Главный военный судъ всецѣло согласился съ соображеніями военно-прокурорскаго надзора и военнаго начальства относительно нарушенія 576 ст. военно-судебнаго устава и съ своей стороны указалъ еще на нарушеніе бригаднымъ судомъ также и 676 ст. того же устава, обязывающей

¹⁾ Рѣшеніе главнаго военнаго суда 1893 года № 76 устанавливаетъ, что въ приказѣ о преданіи суду дѣяніе подсудимаго должно быть описано съ такою точностью и подробностью, чтобы изъ содержанія приказа было ясно видно, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ совершилось преступное дѣяніе, а также въ какихъ именно дѣйствіяхъ или упущеніяхъ оно выразилось.

судъ излагать въ приговорѣ предметы обвиненія съ такою ясностью и подробностью, чтобы не могло возникнуть сомнѣнія въ опредѣленіи свойствъ преступления и слѣдующаго за него наказанія, а равно излагать и самыя дѣйствія, въ коихъ выразилось совершенное подсудимымъ преступленіе. Бригадный же судъ, признавъ фейерверкера Гиля виновнымъ въ дурномъ поведеніи, не указалъ въ приговорѣ того проступка, который свидѣтельствовалъ бы о неисправленіи этого нижняго чина въ поведеніи. Что же касается указанія на нарушеніе бригаднымъ судомъ 590 и 592 ст. устава военно-судебнаго, то главный военный судъ высказалъ слѣдующее: «По точному смыслу 590 ст., разъясненной въ рѣшеніи 1897 г. № 74, участіе въ судебномъ засѣданіи полковаго суда, въ качествѣ судьи, начальника подсудимаго, донесшаго о совершенномъ симъ послѣднимъ преступленіи, не составляетъ нарушенія ни 590, ни 771 ст. С. В. П. т. XXIV, изд. 3. Равнымъ образомъ, буквальный смыслъ 592 ст. той же книги свода не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что постановленія полковыхъ и равныхъ съ ними по власти судовъ объ отводѣ председателей или членовъ сихъ судовъ представляются на утвержденіе подлежащихъ военныхъ начальниковъ *лишь въ случаѣ признанія означенными судами законности причинъ отвода*; за всѣмъ тѣмъ, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, представлялся бы болѣе согласнымъ съ существомъ возложенныхъ на судью обязанностей отводъ капитана Хомякова, на основаніи прим. къ 771 ст. XXIV, отъ председательствования въ бригадномъ судѣ, ибо названный оберъ-офицеръ не только донесъ о совершенномъ подсудимымъ Гилемъ проступкѣ, *но и ходатайствовалъ о лишеніи его фейерверкерскаго званія, т. е. еще до разбирательства дѣла прямо выразилъ убѣжденіе въ виновности этого нижняго чина*. Такое убѣжденіе капитана Хомякова въ виновности фейерверкера Гиля не могло быть поколеблено и на судебномъ слѣдствіи, которое заключалось лишь въ прочтеніи рапорта сего оберъ-офицера». Приговоръ бригаднаго суда 36-й артиллерійской бригады о фейерверкерѣ Гилѣ главнымъ военнымъ судомъ отмѣненъ для новаго рассмотрѣнія его дѣла по существу въ другомъ бригадномъ или полковомъ судѣ и такимъ образомъ послѣдствіемъ стѣсненія правъ и средствъ подсудимаго къ оправданію явилось еще и отягощеніе его участи новымъ сужденіемъ... Последнее, правда, можетъ закончиться и оправданіемъ Гиля, но чѣмъ тогда какъ не грѣхомъ предъ правосудіемъ и подсудимымъ слѣдуетъ считать часть отбытаго Гилемъ наказанія по отмѣненному приговору?

Дѣло Гиля краснорѣчиво говоритъ къ сердцу судей полковыхъ судовъ о необходимости твердо знать и свято соблюдать, если ужъ не тѣ или иныя многочисленныя правила закона, подчасъ выраженные недостаточно ясно и опредѣленно, то по крайней мѣрѣ принципы, основныя положенія нашего суда, имѣющіе за собою уже почти сорокалѣтнюю давность. Въ частности, дѣло Гиля и данное по немъ разъясненіе главнаго военнаго суда

относительно буквального пониманія смысла 592 ст. воен.-судеб. устава заставляет насъ высказать пожеланіе, чтобы при предстоящемъ пересмотрѣ нашего военно-процессуального кодекса статья эта была редактирована въ томъ смыслѣ, чтобы составляемое полковымъ судомъ опредѣленіе по поводу заявленнаго отвода судьи или предсѣдателя представлялось во всякомъ случаѣ на утвержденіе полкового командира. Въ случаяхъ *непризнанія* полковыми судами законности причинъ отвода такое представленіе пожалуй даже нужнѣе, чѣмъ въ случаяхъ признанія законности ихъ.

Рѣшеніе главнаго военного суда № 46—по дѣлу о молодомъ солдатѣ 225-го Лѣсного резервнаго баталіона Иванѣ Золотаревѣ подтверждаетъ то, что было уже высказано нашимъ кассационнымъ судомъ годъ назадъ въ рѣшеніи № 51 по дѣлу Трушко. Обстоятельства этого послѣдняго дѣла таковы: молодой солдатъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Николай Трушко задумалъ посредствомъ взятки освободиться отъ службы и съ этой цѣлью явился на квартиру старшаго врача своего полка и подалъ подписанное имъ и адресованное на имя этого врача письмо, въ которомъ, жалуясь на болѣзнь, предлагалъ ему за труды (по освобожденію его, Трушко, отъ службы) денежное вознагражденіе. Вознагражденіе это онъ предложилъ врачу и тогда, когда тотъ вышелъ къ Трушко и спросилъ по поводу письма, что ему надо. Трушко былъ преданъ петербургскому военно-окружному суду. На судѣ было установлено, что Трушко обращался къ врачу крайне почитительно и пытался даже поцѣловать его руку. Все это дало суду основаніе признать, что подсудимый не имѣлъ намѣренія оскорбить врача и, по своей малой служебной опытности, не сознавалъ оскорбительности своего предложенія. Отвергнувъ умыселъ нанести оскорбленіе врачу, судъ подвел дѣяніе Трушко подъ дѣйствіе 96 ст. воен. уст. о нак., предусматривающей неоказаніе должнаго уваженія начальнику, и опредѣлилъ ему въ окончательномъ выводѣ взысканіе дисциплинарное. По протесту помощника военнаго прокурора, дѣло перешло въ главный военный судъ, который и разъяснилъ, что дѣяніе подсудимаго Трушко, хотя и учиненное по мнѣнію суда безъ намѣренія оскорбить полковаго врача, несомнѣнно подходить подъ дѣйствіе 97 ст. XXII кн., такъ какъ предложеніе начальнику за труды денежнаго вознагражденія, въ данномъ случаѣ—взятки, само по себѣ является для врача оскорбительнымъ. Трушко наказаніе было повышено.

Выраженіе устойчивости этого взгляда главнаго военного суда находимъ теперь въ рѣшеніи № 46 по дѣлу о молодомъ солдатѣ 225-го Лѣсного резервнаго баталіона Иванѣ Золотаревѣ. Обстоятельства его однородны съ дѣломъ Трушко. 23-го декабря 1900 года Золотаревъ «вподлѣ почитительно» обратился къ младшему врачу своего баталіона съ просьбою оказать содѣйствіе къ увольненію его въ годовую отпускъ, обѣщая за то дать 50 рублей. Признавъ, что за кратковременнымъ нахожденіемъ на службѣ подсу-

димый не сознавалъ оскорбительности своего предложенія для врача и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ не усвоить себѣ, что и врачи своей части являются для него начальниками, временный военный судъ въ г. Саратовѣ нашель, что дѣяніе Золотарева составляетъ неприличное обращеніе съ начальникомъ (96 ст. XXII), но не оскорбленіе его на словахъ (ст. 97). По протесту же дѣло перешло въ главный военный судъ, который и подтвердилъ, что виновность молодого солдата Золотарева, въ томъ видѣ какъ она изложена въ фактической части приговора, согласно разъясненію главнаго военного суда въ рѣшеніи 1900 года № 51, составляетъ дѣяніе, наказуемое по 97 ст. XXII С. В. П. 1869 г. изд. 3-е, ибо предложеніе подарка начальнику за труды его по службѣ является оскорбительнымъ для сего послѣдняго, независимо отъ того имѣлъ или не имѣлъ намѣреніе предлагавшій взятку оскорбить тѣмъ начальника. Указаніе же въ приговорѣ на неусвоеніе молодымъ солдатомъ Золотаревымъ, по кратковременности нахожденія его на службѣ, того, что врачи его части являются начальниками, не измѣняя существа содѣяннаго подсудимымъ преступленія, предоставляло лишь право суду, на основаніи 79 ст. XXII, смягчить слѣдующее Золотареву по закону наказаніе въ мѣрѣ и даже на одну степень. Вмѣсто опредѣленнаго временнымъ военнымъ судомъ дисциплинарнаго взысканія, Золотаревъ осужденъ къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на 1 мѣсяць и 2 недѣли.

Читатели, быть можетъ, не забыли дѣло о канонирѣ Ковбасѣ, своеобразно метившемъ фейерверкеру Линнику тѣмъ, что вынулъ изъ винтовки Линника затворъ и спряталъ его на сѣновалѣ. Ковбаса думалъ, что исчезновеніемъ затвора онъ навлечетъ на Линника начальнической гнѣвъ, а въ дѣйствительности самъ попалъ подъ судъ, кончившійся для него понесеніемъ наказанія свыше мѣры содѣяннаго¹⁾. Теперь о случаѣ столь же неудачной мести рассказываетъ рѣшеніе главнаго военного суда № 47. Рядовой 2-го драгунскаго С.-Петербургскаго полка Григорій Шинко питалъ злобу къ унтеръ-офицеру своего взвода Жамоидѣ и, вѣроятно, желая «подвести» его, умышленно облилъ сѣрной кислотой казенный мундиръ этого унтеръ-офицера, тѣмъ совершенно испортилъ его. Временный военный судъ въ г. Твери подвелъ это дѣяніе рядоваго Шинко подъ дѣйствіе 1 ч. 164 ст. XXII кн. и приговорилъ его къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на одинъ мѣсяць съ соотвѣствующими послѣдствіями. По кассационной жалобѣ защитника подсудимаго дѣло перешло въ главный военный судъ. Въ своей жалобѣ защитникъ указывалъ на то, что 1 ч. 164 ст. воен. уст. о нак. примѣнима лишь къ случаямъ умышленной порчи нижними чинами мундирной вещи, выданной самому виновному для личнаго его употребленія; порча же хотя бы и казеннаго мундира, но выданнаго дру-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 4.—«Изъ военно-судебной практики», ст. IX, рѣш. гл. воен. суда 1899 г., № 95.

тому нижнему чину для употребленія, составляет только общее преступленіе, предусмотрѣнное ст. 152 уст. о наказ., налаг. мир. судьями ¹⁾).

Главный военный судъ съ доводами защитника не согласился и нашелъ, что къ признанной судомъ виновности рядового Шишко, выразившейся въ умысленной, изъ мести къ унтеръ-офицеру своего взвода Жамойдѣ, порчѣ сѣрною кислотою казеннаго мундира сего унтеръ-офицера, вполне правильно примѣненъ законъ о наказаніи, *въ виду обязанности нижнихъ чиновъ съ одинаковою тщательностью заботиться о сохранности какъ выданныхъ имъ лично для употребленія казенныхъ срочныхъ и амуничныхъ вещей, такъ равно и таковыхъ же вещей, состоящихъ на ихъ начальникахъ и товарищахъ.*

Соглашаясь по существу дѣла съ послѣднимъ положеніемъ главнаго военного суда, позволимъ себѣ напомнить исторію редакціи нынѣшней 164 ст. С. В. П. XXII, изд. 3. Въ проектѣ особенной части воин. устава о наказаніяхъ, составленномъ комисіей ген.-лейт. Нешокойчицаго, содержаніе этой статьи входило въ содержаніе 167 ст. (главы VII) проекта, гласившей:

Кто изъ нижнихъ чиновъ продасть, заложить, проиграть или инымъ образомъ будетъ отчуждать, или же умысленно испортить свои мундирныя, амуничныя или иные казенныя вещи, тотъ... и т. д. ²⁾.

При обсужденіи этой статьи проекта въ соединенномъ собраніи главный военный прокуроръ высказался за болѣе категорическое и положительное опредѣленіе наказаній за каждый видъ преступленій, предусматриваемыхъ VII главой проекта въ особенности, и предложилъ свою редакцію статей VII главы устава, при которой истребленіе и порча были выдѣлены въ самостоятельную статью. Главный военный прокуроръ дѣлилъ порчу вещей на умысленную и неумысленную. Относя послѣднюю къ дѣяніямъ, караемымъ взысканіями дисциплинарными, онъ первую почиталъ уже «довольно важнымъ видомъ нарушенія воинскихъ обязанностей» и требовалъ усиленной для нея репрессіи, — «тѣмъ болѣе, говорилъ онъ, что протекаетъ она въ большей части случаевъ отъ преступнаго намѣренія уклониться подъ этимъ предлогомъ отъ исполненія обязанностей службы». Онъ тогда же предложилъ собранію слѣдующую редакцію статьи:

Нижние чины, виновные въ умысленномъ истребленіи вѣреннхъ храненію ихъ казенныхъ амуничныхъ и мундирныхъ вещей, подвергаются... и т. д.

Соединенное собраніе признало болѣе правильнымъ выраженіе «вѣреннхъ ихъ храненію» замѣнить выраженіемъ «выданныхъ имъ для употребленія», а вмѣсто словъ «умысленномъ истребленіи» употребить выраженіе «умысленной порчѣ». Затѣмъ редакція этой статьи была установлена въ слѣдующемъ видѣ:

¹⁾ Ст. 152 этого устава говорить о поврежденіи чужихъ канавъ, изгородей или чужого движимаго имущества и подвергаетъ виновныхъ денежному штрафу не свыше 25 рублей. ²⁾ Сб. законод. работъ, стр. 575.

Нижние чины, виновные въ умысленной порчѣ выданныхъ имъ для употребленія казенныхъ амуничныхъ и мундирныхъ вещей, подвергаются... и т. д. ¹⁾.

Это и есть редакція современной 164 статьи XXII.

Мы видимъ, какъ постепенно исчезало изъ нея первоначально категорически выраженное положеніе объ отвѣтственности нижнихъ чиновъ только за порчу *своихъ* мундирныхъ, амуничныхъ или иныхъ казенныхъ вещей и замѣнилось туманнымъ выраженіемъ «выданныхъ имъ». Если придаваемое нынѣ главнымъ военнымъ судомъ этому выраженію распространительное толкованіе и не отвѣчаетъ вполне первоначальной мысли законодателя, то во всякомъ случаѣ оно находится въ полномъ согласіи съ основной для всей VII главы идеей его, что «малѣйшее послабленіе въ этомъ случаѣ можетъ подать поводъ къ полному разстройству полкового хозяйства и весьма невыгодно отразится на благосостояніи арміи» ²⁾. Словомъ, оно отвѣчаетъ болѣе духу, чѣмъ буквѣ закона, не отдать же первому предпочтенія предъ вторымъ нельзя. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ мы стоимъ предъ пробѣломъ закона. Восполнить его примѣненіемъ къ виновности рядового Шишко 152 ст. уст. о наказ., налаг. мир. судьями, какъ это указываетъ защитникъ подсудимаго, нельзя, ибо важности дѣянія нижняго чина виновнаго въ порчѣ казенной вещи, выданной товарищу его или начальнику для отправленія обязанностей службы, не отвѣчаетъ ни существо проступка, предусматриваемаго 152 ст. устава мирового, ни тяжесть опредѣляемаго ею наказанія.

**

Приложеніе 1-е.

Р ѣ ш е н і я

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1901 ГОДЪ.

2-го августа, № 48. По указу Его Императорскаго Величества главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ защитника подсудимаго рядового 226-го Бобруйскаго резервнаго баталіона Андрея Тарасова на приговоръ временнаго военного суда въ гор. Саратовѣ. Означенный судъ призналъ подсудимаго Тарасова виновнымъ въ томъ, что, состоя на службѣ въ 227-мъ Балашовскомъ резервномъ баталіонѣ и тяготясь службою въ этомъ баталіонѣ, онъ, съ цѣлью перевода въ другой баталіонъ, 24-го октября 1900 г., на инспекторскомъ смотрѣ завѣдомо ложно заявилъ

¹⁾ См. Сборн. зак. раб., стр. 674—678. ²⁾ См. Сбор. законод. работъ, стр. 675.

начальнику 57-й пѣхотной резервной бригады жалобу на то, что командиръ Балашовскаго баталіона неправильно наказалъ его розгами, причемъ, заявляя эту жалобу, сознавалъ, что былъ наказанъ розгами правильно по закону, но, обвиняя командира баталіона въ превышеніи власти, имѣлъ цѣлью добиться перевода въ другой баталіонъ. Судъ нашелъ, что это дѣяніе прямо предусмотрено 172 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е и потому постановилъ: подсудимаго рядового Тарасова, за подачу завѣдомо ложной жалобы на начальство, по лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, отдать въ дисциплинарный баталіонъ или роты на одинъ годъ съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго Тарасова подалъ касационную жалобу, въ которой доказываетъ, что къ виновности подсудимаго подходит не 172, а 171 ст. С. В. П. XXII, причемъ то обстоятельство, что Тарасовъ, заявляя на инспекторскомъ смотрѣ жалобу, сознавалъ, что наказанъ розгами правильно, можетъ служить лишь тѣмъ особеннымъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, о которомъ говоритъ 2 ч. 171 ст. Сообразивъ касационную жалобу защитника подсудимаго Тарасова съ приговоромъ суда, вопроснымъ листомъ и законами и выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, по точному смыслу 171 ст. С. В. П. XXII изд. 3-е, разъясненной, между прочимъ, въ рѣшеніи 1886 г. № 169, неосновательной жалобой почитается такая, которая не заключаетъ въ себѣ завѣдомо ложныхъ заявленій, а лишь ошибочно толкуетъ бывшіе въ дѣйствительности факты, домогаясь возстановить нарушенное будто бы право. Ошибочное же толкованіе фактовъ и своихъ правъ предполагаетъ со стороны виновнаго въ неосновательной жалобѣ добросовѣстное заблужденіе. Между тѣмъ временный военный судъ въ гор. Саратовѣ и въ приговорѣ, и по вопросу листу, признавъ подсудимаго Тарасова виновнымъ въ заявленіи на инспекторскомъ смотрѣ начальнику 57-й пѣхотной резервной бригады жалобы на то, что командиръ 227-го Балашовскаго резервнаго баталіона неправильно наказалъ его, Тарасова, розгами, причемъ, предъявляя означенную жалобу, подсудимый признавалъ правильность наложеннаго на него наказанія и обвиненіемъ командира баталіона въ превышеніи власти хотѣлъ добиться лишь перевода на службу въ другой баталіонъ. Такая виновность подсудимаго Тарасова, характеризуемая завѣдомою для него ложностью сдѣланнаго имъ заявленія о незаконныхъ, въ отношеніи заявителя, распоряженіяхъ начальника, вполне правильно подведена судомъ подъ дѣйствіе 172 ст., а не 171 ст. С. В. П. XXII. То обстоятельство, что, заявляя завѣдомо ложную жалобу, Тарасовъ добивался не возбужденія преслѣдованія противъ начальника, а иной личной цѣли—перевода на службу въ другой баталіонъ—ни въ чемъ не измѣняетъ состава преступленія, предусмотрѣннаго 172 ст. С. В. П. XXII, изд. 3-е, ибо, осуществляя и означенную цѣль, подсудимый рядовой Тарасовъ не могъ не сознавать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вводитъ на начальника завѣдомо ложное обвиненіе въ незаконномъ и несправедливомъ обращеніи съ нимъ, подсудимымъ. По симъ соображеніямъ главный военный судъ опредѣляетъ: касационную жалобу защитника подсудимаго рядового 226-го Бобруйскаго резервнаго баталіона Андрея Тарасова на приговоръ временнаго военнаго суда въ гор. Саратовѣ о названномъ нижемъ чинѣ оставить безъ уваженія.

Приложеніе 2-е.

9-го августа, № 52. По указу Его Императорскаго Величества главный военный судъ слушалъ: дѣло объ отмѣнѣ приговора полковаго суда 128-го пѣхотнаго Старооскольскаго полка о рядовомъ того полка Иванѣ Скоронисѣ. Приказомъ по полку рядовой Скоронисъ былъ преданъ полковому суду по обвиненію, между прочимъ, въ томъ, что 26-го марта неоднократно отказывался исполнить приказаніе своего фельдфебеля, переданное ему черезъ дежурнаго по ротѣ, отправиться сейчасъ же подъ арестъ на полковую гауптвахту, и исполнилъ таковое лишь послѣ настоятельнаго требованія фельдфебеля—въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 104 ст. С. В. П. XXII. Полковой судъ 128-го пѣхотнаго Старооскольскаго полка, рассмотрѣвъ дѣло, признавъ подсудимаго рядового Скорониса виновнымъ: 1) въ томъ, что, находясь въ банѣ и пользуясь отсутствіемъ хозяина, тайно взялъ одну пару сапоговъ, а спустя нѣсколько дней, желая добыть денегъ, вторично пошелъ въ ту же баню и опять тайно, съ цѣлью продажи, взялъ пару чужихъ сапоговъ; 2) что, будучи сторожемъ у сахарнаго запаса, послѣ смѣны, вмѣсто того, чтобы идти въ караульное помѣщеніе, самовольно отлучился въ городъ; 3) что самовольно ушелъ изъ казармы къ знакомой дѣвушкѣ, гдѣ пробылъ 1½ часа, и 4) въ томъ, что, получивъ приказаніе фельдфебеля, переданное дежурнымъ по ротѣ, идти подъ арестъ, онъ отказался исполнить это и когда подошелъ его взводный унтеръ-офицеръ и лично приказалъ ему, Скоронисю, одѣваться и идти подъ арестъ, то онъ отвѣтилъ: «не пойду, я не арестантъ, чтобы ночью идти подъ арестъ» и исполнилъ означенное приказаніе только по личному требованію фельдфебеля. Подведя послѣднее дѣяніе подъ неповиновеніе, т. е. умышленное неисполненіе приказанія начальника, предусмотрѣнное 105 ст. С. В. П. т. XXII, а остальные подъ 129, 161 ст. т. XXII, 169 и 170 ст. уст. о наказ., валагаем. мир. суд., судъ постановилъ: подсудимаго рядового Скорониса отдать въ дисциплинарный баталіонъ на два года, съ послѣдствіями, указанными въ 52 ст. т. XXII. По утвержденіи этого приговора, военный прокуроръ кievскаго военно-окружнаго суда донесъ начальнику 32-й пѣхотной дивизіи, что полковой судъ при разсмотрѣннн дѣла не можетъ выходить изъ предѣловъ приказа о преданіи суду, а потому и не можетъ назначить наказанія за болѣе тяжкое преступленіе, не указанное въ приказѣ; въ особенности неправильно примѣненіе 105 ст. т. XXII въ данномъ дѣлѣ, такъ какъ по тѣмъ фактическимъ признакамъ, которые призналъ судъ, дѣяніе рядового Скорониса ближе подходило подъ ст. 104 С. В. П. т. XXII. Посему военное начальство кievскаго военнаго округа вошло съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ приговора суда. Сообразивъ представленіе военнаго начальства съ законами и выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что состоявшимся 17-го мая сего года приговоромъ полковаго суда установлена виновность рядового Скорониса, согласно съ фактической частью приказа о преданіи его суду, въ томъ, что онъ, получивъ, чрезъ дежурнаго по ротѣ, приказаніе фельдфебеля идти подъ арестъ, отказался отъ исполненія сего, а на таковое же приказаніе взводнаго унтеръ-офицера, возразилъ: «не пойду, я не арестантъ, чтобы ночью идти подъ арестъ» и только по личному требованію фельдфебеля исполнилъ упомянутое приказаніе. Въ изложенномъ

дѣяніи рядового Скоропися заключаются всё признаки неповиновенія, т. е. преступленія, предусмотрѣннаго 105 ст. С. В. П. т. XXII, изд. 3-е. Въ виду сего полковой судъ за силою 81 ст. вистр. полковымъ судамъ и рѣшенія главнаго военнаго суда 1900 г. № 52, имѣлъ полное право примѣнить къ изложенной виновности рядового Скоропися означенную статью военно-уголовнаго закона, несмотря на то, что виновность эта въ приказѣ о преданіи рядового Скоропися суду была подведена подъ дѣйствіе 104 ст. С. В. П. т. XXII изд. 3-е. Посему главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ полковаго суда 128-го пѣхотнаго Староскольскаго полка о рядовомъ того же полка Иванѣ Скорописѣ оставить въ силѣ судебного рѣшенія.

